

АНТРОПОЛОГИЯ

Ю. Н. Березкин

СТРАНСТВУЮЩАЯ ГЕРОИНЯ И ЕЕ БРАТЬЯ: НЕЗАМЕЧЕННЫЙ СИБИРСКИЙ СЮЖЕТ¹

Статья начинается с оценки взглядов С. Томпсона на исследование фольклора (данные по Сибири и Центральной Азии не учитывались, историческая проблематика исключалась). После презентации результатов статистической обработки фольклорных мотивов в Евразии, автор описывает не замеченный ранее сюжет, распространенный от Нижнего Амура до Западной Сибири с некоторыми параллелями у европейских финно-угров. Протагонистом является преодолевающая препятствия девушка-странница, противопоставленная самозванке-обманщице (часто – лягушке). Наиболее характерный для сюжета мотив пропавших братьев (брата, сестры) героини, которые затем помогают ей, отсутствует в Америке и мог распространиться лишь в голоцене. Почти все остальные содержащиеся в данной серии текстов мотивы обильно представлены в Новом Свете, но многие отсутствуют на северо-востоке Азии и на северо-западе Северной Америки. Данный комплекс мотивов должен был проникнуть в Новый Свет на достаточно раннем этапе его заселения. У тюркских и монгольских групп он отсутствует.

Ключевые слова: сибирский фольклор, финно-угорский фольклор, «большие данные» по фольклору, Стит Томпсон о фольклоре, заселение Америки.

Сибирский фольклор и указатель сюжетов ATU

В 1910 г. А. Аарне подвел итог длившимся сто лет исследованиям фольклора, создав указатель сказочных сюжетов. После доработки С. Томпсоном во второй четверти XX в. указатель стал известен под аббревиатурой AT (Aarne, Thompson, 1961). В XXI в. в AT были добавлены новые материалы и указатель получил аббревиатуру ATU (Uther, 2004). Несмотря на вклад многих ученых, именно знания и личные предпочтения Томпсона определили идеологию всей системы. Ключевой для понимания его взглядов является монография «The Folklore» (Thompson, 1946), в которой отражены следующие положения.

Первое: поддающийся сюжетной классификации фольклор распространен от Ирландии и Марокко до Индии. Он характерен для цивилизованных обществ. Второе: существенных региональных различий в пределах этой системы нет, ее можно изучать как единое целое. Третье: фольклор североамериканских индейцев (который Томпсон знал превосходно) отличается от нуклеарно-евразийского и соответствует иному состоянию общества – первобытному.

И последнее. Чтобы понять представления Томпсона о фольклоре, следует иметь в виду, что Сибирь, а также Центральная и Восточная Азия находились вне поля его зрения. Читая Томпсона, можно подумать, что таких регионов на планете не существует.

Сделанная Х.-Й. Утером попытка исправить недостатки AT и в частности добавить материал по неевропейским традициям (Uther, 2004, part 1: 7–8) не улучшила положение существенно. Круг учитываемых сюжетов остался прежним, по фольклору Центральной и Восточной Азии оригинальные публикации почти не были привлечены, а сибирские традиции в большинстве своем так и остались за рамками указателя.

Причина понятна. Чтобы интегрировать сибирский фольклор в существующую систему сюжетов, требуется изменить структуру самого указателя. Сюжеты в нем сгруппированы по жанрам, а по мере продвижения на северо-восток Азии и далее в Новый Свет эта жанровая система распадается. Вместе с тем устойчивые, легко узнаваемые повествовательные эпизоды

---

¹ Работа поддержана грантом РФФИ № 18-18-00361.

в фольклоре Сибири и Америки есть, и они не отличаются принципиально от эпизодов, из которых состоят сюжетные типы АТУ. Кардинально реформировать АТУ невозможно. Однако за последние четверть века нами создана собственная система классификации, охватывающая весь мир. В ближайшие годы планируется завершить интеграцию в нее также и материалов АТУ. В рамках этой новой системы никаких сложностей при сопоставлении сибирского фольклора с фольклором Нуклеарной Евразии, на котором основан указатель АТУ, не возникает.

Как устроена наша система, неоднократно описывалось (Березкин, 2015; Васильев и др., 2015: 345–349; Berezkin, 2015). Сейчас достаточно сказать, что при классификации нарративов приключенческого и трикстерского характера аналитической единицей служит мотив-эпизод. Его отличают устойчивость (встречаемость во многих традициях, но не хаотическое распространение по планете) и способность вступать в комбинации, порождая множество текстовых вариантов. С некоторыми из подобных эпизодов сюжеты АТУ полностью или в основном совпадают. Однако в фольклоре не только Нового, но и Старого Света есть сотни эпизодов, которые в АТУ не учтены. В отношении простоты/сложности, способности образовывать комбинации с другими эпизодами, а также заимствоваться из одной традиции в другую, от эпизодов, включенных в АТУ, оставшиеся вне указателя не отличаются.

Включение в единую систему повествований со всего мира необходимо для решения задач исторического характера – прослеживания древних миграций и культурных контактов, выделения сфер обмена информацией и, в конечном итоге, выявления наборов эпизодов и образов, существовавших в разных регионах в отдельные эпохи. С. Томпсоном подобные задачи не могли быть поставлены – он мало знал о дописьменной истории и она его не интересовала. Кроме того, эпохальная оценка возраста фольклорных мотивов возможна лишь при сопоставлении данных об их ареальном распределении с данными тех исторических дисциплин, которые опираются на собственную хронологию. Для Сибири и Центральной Азии важно наличие или отсутствие фольклорных параллелей в Новом Свете, поскольку время и последовательность проникновения туда азиатских популяций примерно известны. Во времена Томпсона подобными материалами наука не располагала.

Некоторые тенденции распространения фольклорных мотивов в Евразии

Наличие базы данных из десятков тысяч текстов позволяет использовать статистику для выявления ареальных тенденций распределения мотивов. Сведения о распространении любого содержат лакуны, но при обработке массового материала это не влияет на результат. Статистика позволяет также разделять содержащиеся в материале независимые тенденции. Сам по себе процент общих мотивов в традициях, мало о чем говорит – мотивы надо анализировать по тематическим группам.

В первом приближении мотивы делятся на отражающие космологические и этиологические представления и на повествовательные эпизоды приключенческого и трикстерского характера. Среди последних – а именно им посвящена эта статья – можно выделить три группы. 1. Ситуации, которые невозможны в реальном мире и не имеют анекдотического характера. 2. В основном трикстерские эпизоды с антропоморфными протагонистами, сверхъестественные элементы отсутствуют. 3. Трикстерские эпизоды с зооморфными протагонистами.

Для той территории Старого Света, в пределах которой в основном зарегистрированы сюжеты АТУ, деление мотивов-эпизодов на три группы примерно соответствует делению сюжетов на относящихся к волшебной сказке, к бытовой сказке (а также сказкам о глупом черте и анекдотам) и к сказке о животных. В Северной Азии деление мотивов на приключенческие (с включением фантастических элементов), трикстерские с антропоморфными персонажами и трикстерские с зооморфными персонажами тоже вполне актуально.

Картина распределения мотивов зависит от использованных статистических программ. При обработке данных с помощью факторного анализа тенденции ареального распределения отражены главными компонентами (ГК). Первая ГК выявляет самую сильную тенденцию, вторая – следующую по значению и т.д. В случае с нашим материалом первые три (редко – четыре) компонента отражают тенденции, характерные для всей совокупности данных, и на них приходится порядка 20% всей информации. Остальные ГК выявляют разного рода локальные связи и случайные совпадения – своего рода информационный шум.

Не самую главную, но заметную на континентальном, а не только на местном уровне тенденцию в распределении приключенческих мотив в Евразии отражает 3ГК: бореальная (лесная и тундровая) зона Северной Евразии оказывается противопоставлена южным районам (рис. 1). Западная граница северной зоны доходит до Балтики, а разряженный шлейф – до Центральной Европы. Эта тенденция максимально выражена в фольклоре нанайцев, якутов, русских, удэгейцев, чукчей, за которыми следуют буряты, манси, байкальские эвенки, южные селькупы, орочи, тундровые ненцы, литовцы, мари, башкиры. Противоположный (средиземноморско-южноазиатский) комплекс мотивов максимально выражен в Передней Азии и сопредельных районах у персов, турок, арабов Сирии и Египта, армян, азербайджанцев и арабов Ирака.

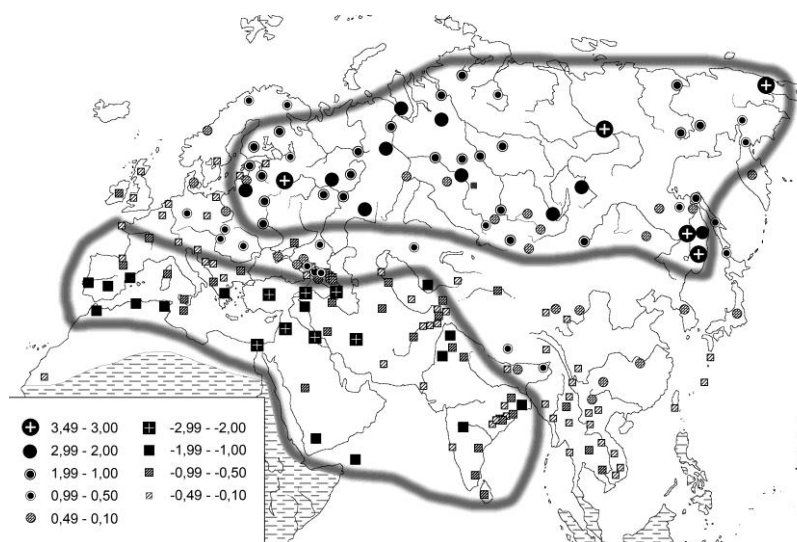

Рис. 1. Данные о распространении 605 приключенческих эпизодов по 290 традициям Евразии и Северной Африки, 2ГК, дисперсия 3,0%. Заштрихованы территории, данные по которым не обрабатывались. На схеме не показаны: традиции с математическими индексами, которые близки к нулю (от 0,09 до –0,09); традиции с числом зарегистрированных приключенческих мотивов менее 10; древние письменные традиции (они не меняют полученной картины распределения). Обведены примерные зоны наибольшей концентрации мотивов, характерных для бореального и для южного (средиземноморско-индийского) комплексов

Существенно, что очень близкая картина получена при обработке трикстерских мотивов с зооморфными протагонистами (2 ГК). При обработке трикстерских мотивов с антропоморфными протагонистами подобного совпадения нет. Такие мотивы, скорее всего, распространялись позже, но это тема отдельного исследования.

Повествования о странствующей героине

За математическими индексами стоит распределение конкретных мотивов-эпизодов. Рассмотрим серию сходных текстов, зафиксированных от Сахалина до Урала и отчасти до Кольского полуострова (рис. 2). Внимания фольклористов эти тексты не привлекали.

Протагонистом повествований является девушка, противопоставленная обманщице-самозванке (часто – лягушке). У девушки есть брат, братья или сестра. В начале повествования кажется, что они погибли или пропали бесследно, но затем они вновь появляются в роли покровителей героини. Еще один обычный мотив – замужество героини и самозванки и серия испытаний, в которых героиня демонстрирует свое превосходство. Конфликт с самозванкой не наносит ей значительного ущерба. Этим данная группа текстов отличается от ряда сюжетов, в которых антагонистка временно торжествует над героиней. В АТУ это № 403 (The Black and the White Bride), № 403С (The Substituted Bride), № 404 (The Blinded Bride) и некоторые другие.

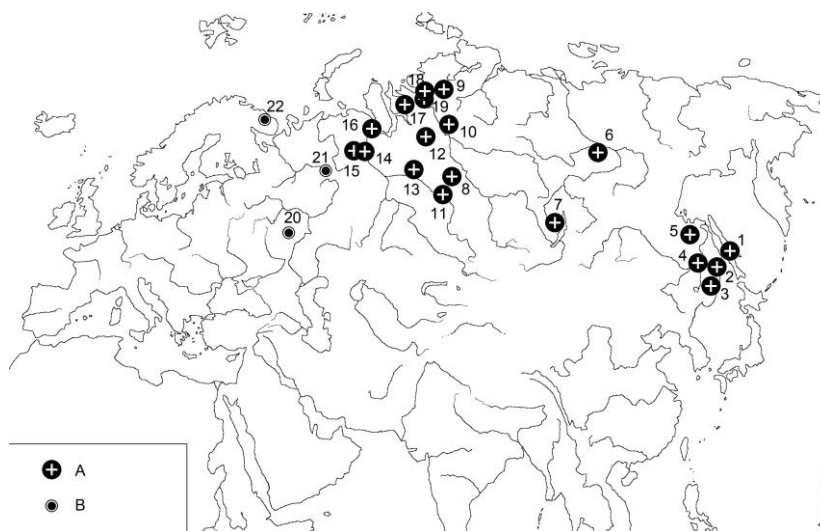

Рис. 2. Места фиксации текстов, включенных в обзор. А. Типичные (сибирские и дальневосточные) варианты. В. Европейские варианты. 1. Ороки (уйльта). 2. Нанайцы. 3. Орочи. 4. Удэгейцы. 5. Негидальцы. 6. Якуты (точное место записи в источнике не указано). 7. Прибайкальские эвенки. 8. Сымские эвенки. 9. Нганасаны. 10. Кеты. 11. Южные селькупы. 12. Северные селькупы. 13. Восточные ханты. 14. Северные ханты. 15. Северные манси. 16. Ненцы (Обдорск). 17. Ненцы (Гыдан). 18. Ненцы (Таймыр). 19. Энцы. 20. Мордва. 21. Коми. 22. Саамы

Не имея возможности пересказать содержание трех десятков повествований, ограничимся примерами, типичными для соответствующих ареалов.

Первый ареал – амуро-сахалинский. Характерные мотивы – ведущая на небо цепочка из стрел и превращение девушки в палку, которую стругает пришедший мужчина.

Нанайцы. У семи братьев младшая сестра. В ожидании появления белок-людоедов, они прячут сестру в яме у очага, смазывают домашние предметы жиром, но забывают тапок из рыбьей кожи. На грудь сестры братья кладут мешочек с кровью, а затем, пуская стрелы одну в хвост другой, делают цепочку, по которой поднимаются на небо. Тапок говорит белкам, где девушка, те вонзают у очага копьё, видят кровь и уходят. Девушка тоже уходит. Ее нарта свернула кочку, появилась лягушка, девушка попросилась переночевать. Приходят двое братьев, девушка не успела надеть халат, превратилась в ветку краснотала. Старший брат сел рядом с лягушкой, младший стал стругать ветку, потекла кровь. Старший увел лягушку, та надела халат девушки, а девушка осталась завязывать рану. Младший брат забыл нож, вернулся, взял девушку в жены, они догнали старшего, девушка вернула свой халат, отдала лягушке ее одежду из рыбьей кожи. Лягушка спрашивает орешник, краснотал, черемуху, все отвечают, что она некрасива в любом халате. Родители юношей устилают пол шелком, лягушка идет по нему, девушка сворачивает шелк, чтобы не запачкать. Свекор хочет согреться, лягушка топит печь, искры летят на свекра. Девушка просит своих братьев послать хорошие дрова, с неба падает вязанка, свекор доволен. Лягушка подает свекру лягушачью икру, девушка – кашу с

маслом, которую ей сбросили братья. Свекор хочет видеть родственников невесток. Лягушка приводит лягушек, к девушке приходят ее братья, дарят шелковую и меховую одежду, затем возвращаются на небо. Лягушка глотает ложки, поварешки, чтобы имитировать беременность, ее прогоняют, она прыгает в озеро. Девушка рождает сына-наследника (Ходжер, 2011: 67–77).

К нанайскому варианту наиболее близки ороцкие (Арсеньев, 1995: 122–125; Маргаритов, 1888: 29) и удэгейские (Лебедева и др., 1998, № 31: 107). В негидальском (Цинциус, 1982, № 25) и орокском (Воскобойников, Меновщиков, 1951: 373–376) отсутствует начало сюжета.

Второй ареал – восточносибирский. Типичные мотивы – бегство от младенца-чудовища и оторванная голова сестры. Приведенный ниже якутский вариант, скорее всего, унаследован от местного субстрата, а не принесен с юга, поскольку у монголов и тюрков аналогий нет. Зато сходный нарратив записан у прибайкальских эвенков (Титов, 1936, № 9–10).

Якуты. Две сестры положили в колыбель камень, он превратился в ребенка. По возвращении сестры находят печеную рыбу. Младшая стала кусочком коры, подсматривает и видит, как ребенок обещает сожрать обеих сестер, достает рыбу у себя изо рта и печет ее. Сестры накрывают колыбель раскаленным горшком, убегают. Старуха протягивает через реку ногу, сестры по ней переходят на другой берег. Когда переходит монстр, старуха убирает ногу, монстр тонет. Сестры приходят к женщине, у которой одна рука и одна нога. Она запирает девушек в каком-то помещении. Младшая становится размером с опилок от иглы, выскакивает наружу. Старшая просовывает голову, сестра тянет, отрывает голову и несет с собой. Когда она решает оставить голову на лиственнице, а затем на березе, голова плачет, а когда вешает на дерево, разбитое молнией, голова успокаивается. В серебряной юрте живет лягушка, просит девушку сшить одежду. Пришедший мужчина понимает, что шила не лягушка, находит спрятанную девушку. Предлагает обеим женам сходить к их родным за подарками. Лягушка приносит червей и пивок. Девушка идет туда, где оставила голову сестры, находит живую сестру, юрту, скот – сестра вышла за сына Грома. Гром одаряет девушку скотом. Муж давит лягушкиных червей, пивок и лягушат, велит женам лечь спать на крыше, лягушка замерзла насмерть (Виташевский, 1914, № II.1).

Третий ареал охватывает Западную Сибирь, Таймыр и долину Енисея. Цепочка событий в местных повествованиях начинается с убийства женщины (Мось, Мощнэ, зайчихи) ведьмой (Порне, росмахой, лягушкой, лисой). Имена старших персонажей обычно перенесены на персонажей младшего поколения. У нганасан, северных селькупов, сымских эвенков, гыданских ненцев есть тот же мотив разорванной сестры (брата), что и в Восточной Сибири. В качестве примера перескажем хантыйский текст с реки Вах.

Восточные ханты. Лиса и зайчиха живут вместе, у обеих дети. Лиса предлагает кататься с горы на санках, наезжает на зайчиху и ломает ей спину. Сын и дочь зайчихи видят, как лиса кормит мясом их матери своих детей, предлагает им съесть детей зайчихи. Дети зайчихи бегут, бросают гребень, оселок, кремь, они превращаются в чашу, гору, огонь. Лиса отстает. Пока сестра ест морошку, брат проваливается в землю. Далее сестра именуется женщиной Мось. Она ударяет по пню, оттуда выскакивает женщина Пор, предлагает купаться, надевает меховую одежду Мось, дает ей свою корьевую. В городе Мось подбирает стрелу сына Городского Деревенского старика, а Пор – стрелу сына Тонтон-старика (в фольклорных текстах это бедняк либо хитрец). Пор сплетает канат, которого хватило обмотать полгорода, а канатом, сплетенным Мось, город обмотан трижды. Мось приезжает на место, где пропал брат. Там дом, входит медведь, снимает шкуру – это и есть брат. Он посылает сестре стадо оленей (Лукина, 1990, № 28).

В другом варианте (не ясно, северо- или восточнохантыйском) героине противостоит самозванка-лягушка (Коптелов, 1956: 175–180). Северохантыйских вариантов минимум два (Бауло, 2005, № 1; Nikolaeva, 1999, № 1). Опубликованы также варианты сымских эвенков (Василевич, 1936, № 21, 22; Лукина, 2004, № 3.18), нганасан (Поротова, 1980: 13–19), кетов с реки Курейки (Крюкова, 2013: 202–213), южных (Пухначев, 1966: 20–24) и северных селькупов (Тучкова, 2004: 208–209), энцев (Сорокина, Болина, 2005, № 13), несколько ненецких (Головнев, 2004: 248–250; Ненянг, 1994: 63–64; Lehtisalo, 1947, № 51) и северомансийских (Кузакова, 1994: 110–112; Куприянова, 1960: 109–112; Лукина, 1990, № 128; Ромбандеева, 2005, № 41).

Наиболее краткие варианты – селькупские, при этом в североселькупском есть тот же мотив брошенного в реку и выросшего в воде сына героини, что и у энцев и ненцев.

Северные селькупы. Нэтэнка и Томнэнка живут на одном стойбище (имена образованы от слов «девушка» и «лягушка»). Томнэнка зовет Нэтэнку собирать траву для стелек и убивает, проколов ухо. Дочь Нэтэнки замечает на нарте ногу матери и слышит, как Томнэнка обещает своим детям, что те полакомятся детьми Нэтэнки. Нэтэнка (на дочь погибшей переходит имя матери) затыкает дымоход тряпкой, чтобы Томнэнка думала, будто еще ночь, и уходит, унося младшего брата. Брат умирает, уколотившись шилом или сверлом. Нэтэнка хоронит его, вырыывает пень жечь костер, из-под него выскакивает новая Томнэнка. Она крадет вещи Нэтэнки, но та возвращает их. Томнэнка идет следом за Нэтэнкой на лыжах из деревянных мисок. Обе выходят замуж. Томнэнка подменяет новорожденного сына Нэтэнки щенком. Муж бросает Нэтэнку и откочевывает с Томнэнкой и ее мужем. Щенок Томнэнки помогает ей охотиться, играет с выходящим из воды мальчиком – сыном Нэтэнки. Сын и мать узнают друг друга, когда струя молока Нэтэнки попадает ему в рот. Приходит муж Нэтэнки и та прощает его. Томнэнку убивают (Тучкова, 2004: 208–209).

Хотя мотив подмены ребенка щенком заставляет вспомнить сюжет АТУ 707 (типа Сказки о царе Салтане), эпизод с выброшенным в воду младенцем не заимствован из «международного» фольклора, но связывает север Евразии с Северной Америкой (Березкин, 2006).

Не пересказывая европейские тексты, упомянем лишь эпизоды, которые отчасти близки сибирским. В варианте коми три брата с сестрой пошли искать счастья. Старший лезет на серебряную березу и не может спуститься, средний на золотую, младший на жемчужную. В конце повествования жених девушки спускает братьев (Плесовский, 1975: 15–17). В мордовских вариантах (Евсеев, 1964, № 18; Raasonen, 1941: 282–291) героиня убегает от демонов и просит сестру спустить с неба нитку, лезет на небо и выясняет, что муж ее сестры – медведь. Далее рассказ переходит на сюжет АТУ 311, но брак сестры или брата героини с медведем или медведицей – характерная особенность западносибирских вариантов рассматриваемых повествований. У саамов соперницами героини являются старшие невестки – паучихи. Они выбрасывают рожденных ею детей, но те возвращаются в образе гусей и лебедицы. Паучихи со своими детьми сгорели в костре (Керт, 1961, № 44).

Заключение

Начиная с Западной Сибири, в рассматриваемых повествованиях встречаются мотивы, характерные для западноевразийской волшебной сказки, а в европейских вариантах таковые преобладают. Сохранение в северо-восточной Европе отголосков сибирского сюжета допустимо связать с распространением носителей финно-угорских языков, но речь может идти и о более раннем времени.

Многие мотивы сибирских повествований о странствующей героине обнаруживают соответствия в североамериканском (а иногда и в южноамериканском) индейском фольклоре.

Отметим следующие. Две женщины имеют детей, одна убивает другую и обещает своим детям мясо детей убитой; дети убитой бегут. Герои пускают стрелы, вонзающиеся одна в хвост другой, и по этой цепочке поднимаются на небо. Чтобы погубить свою жертву, антагонист предлагает ей скатиться с горы. Две сестры или просто спутницы путешествуют в поисках подходящих мужей, одна из них умнее и успешнее, чем другая. Среди брошенных убегающими предметов есть гребень и оселок (а не просто камень), превращающиеся в гору и лес. Персонаж протягивает через реку ногу и по ней герои переходят на другой берег как по мосту. Персонаж похищает мальчика и скрывает его от матери или отца, сам притворяясь отцом или матерью. Выброшенный младенец вырастает и живет в реке, его с трудом выманивают и возвращают к людям. Девушка и лягушка – это две невестки, хорошая и плохая.

Среди перечисленных мотивов есть как имеющие сплошной сибирско-американский ареал распространения, так и отсутствующие на северо-востоке Азии и на северо-западе Северной Америки. Последнее исключает диффузию через Берингов пролив в недавние тысячелетия. Подобное распределение типично для мотивов, проникших в Америку до завершения основного этапа ее заселения, то есть ранее появления в Берингоморье создателей палеоэскимосских культур в IV тыс. до н.э. (Anderson, 2011; Dumond, 2005: 28) и, скорее всего, также до появления на Чукотке палеоазиатов, а на Аляске – носителей языков на-дене (Berezkin, 2018). Концентрация мотивов, демонстрирующих североамериканские параллели, в сибирских текстах бывает так высока, что они выглядели бы уместно в Британской Колумбии.

Можно заключить, что среда, в которой сложились и распространялись повествования о странствующей героине и ее сопернице-лягушке – это палеосибирский фольклор, от которого когда-то отделились традиции, распространившиеся в некоторых (но не во всех) районах Америки, в основном Северной. Фольклор тюркских и монгольских народов Центральной Азии тоже имеет соответствия в Новом Свете, но с данным комплексом мотивом не связан. В то же время основной сюжетобразующий мотив повествований о странствующей героине (сиблинги-помощники, с которыми героиня в начале повествований расстается) в Америке не представлен. В Северной Евразии он распространился уже голоцене.

Список литературы:

- Арсеньев В. К. Из научного наследия В. К. Арсеньева // Краеведческий бюллетень общества изучения Сахалина и Курильских островов. – Южно-Сахалинск, 1995. – № 1. – С. 111–131; № 2. – С. 165–187; № 3. – С. 163–182; № 4. – С. 151–183.
- Бауло А. В. (ред.). Сынские ханты. – Новосибирск, 2005. – 352 с.
- Березкин Ю. Е. Выманивание и поимка Батрадза. Сибирско-североамериканские параллели к мотиву нартского эпоса и генезис героических образов // Власть в аборигенной Америке. Проблемы индеанистики. – М., 2006. – С. 410–422.
- Березкин Ю. Е. Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или где запад граничит с востоком // Антропологический Форум. – СПб., 2015. – Вып. 26. – С. 153–170.
- Василевич Г. М. Материалы по фольклору эвенков Сибири // Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Сост. Г. М. Василевич. – Л., 1936. – С. 162–212.
- Воскобойников М. Г., Меновщиков Г. А. Сказки народов Севера. – М.; Л., 1951. – 669 с.
- Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. – Екатеринбург, 2004. – 344 с.
- Евсеев М. Е. Мордовские народные сказки и загадки. – Саранск, 1964. – 412 с.
- Керт Г. М. Образцы саамской речи. – М.; Л., 1961. – 216 с.
- Коптелов А. Л. Сказки народов Сибири. – Новосибирск, 1950. – 192 с.
- Крюкова Е. А. Кетский текст // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. – Томск, 2013. – Т. 3. – С. 202–294.
- Кузакова Е. А. Фольклор манси. – М., 1994. – 207 с.
- Куприянова З. Н. Ненецкий фольклор. – Л., 1960. – 93 с.
- Лебедева Е. П., Хасанова М. М., Кялундзюга В. Т., Симонов М. Д. Фольклор удэгейцев. – Новосибирск, 1998. – 560 с.
- Лукина Н. В. Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М., 1970. – 568 с.

- Лукина Н. В. (ред.). Сказания земли Томской: хрестоматия. – Томск, 2004. – 187 с.
Маргаритов В. П. Об орочах Императорской Гавани. – СПб., 1888. – 56 с.
Ненянг Л. П. Фольклор таймырских ненцев. – Кн. 1: Сказки. – М., 1994. – 174 с.
Плесовский Ф. В. Коми народные сказки. – Сыктывкар, 1975. – 143 с.
Поротова Т. И. (ред.). Сказки народов сибирского севера. – Томск, 1980. – Вып. 3. – 190 с.
Пухначев В. М. Сказки старого Тыма. – Новосибирск, 1966. – 80 с.
Ромбандеева Е. И. Мифы, сказки, предания манси (вогулов). – М., Новосибирск, 2005. – 475 с.
Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецкие тексты. – СПб., 2005. – 350 с.
Тучкова Н. А. Мифология селькупов. – Томск, 2004. – 382 с.
Ходжер А. П. Стеклопанная веранда. – Хабаровск, 2011. – 114 с.
Цинциус В. И. Негидальский язык. – Л., 1982. – 311 с.
Aarne A., Thompson S. The Types of the Folklore. – Helsinki, 1961. – 588 p.
Anderson J. From Alaska to Greenland: A comparison of the Arctic Small Tool and Thule Traditions // Totem: The University of Western Ontario Journal of Anthropology. – London (Ontario), 2011. – Vol. 12, issue 1. – P. 6–15.
Berezkin Yu. Folklore and mythology catalogue: its lay-out and potential for research // The Retrospective Methods Network Newsletter. – Helsinki, 2015. – Vol. 10. – P. 56–70.
Berezkin Yu. Athabaskan – Siberian folklore links: in search of Na-Dene origins // Folklore. – London, 2018 (в печати).
Dimond D. E. A Naknek Chronicle. Ten Thousand Years in a Land of Lake and Rivers and Mountains of Fine Katmai National Park and Preserve. – King Salmon (Alaska), 2005. – 112 p.
Lehtisalo T. Juraksamojedische Volksdichtung. – Helsinki, 1947. – 615 s.
Paasonen H. Mordwinische Volksdichtung. – III Band. – Helsinki, 1941. – 343 s.
Thompson S. The Folklore. – New York, 1941. – 510 s.
Uther H.-J. The Types of International Folktales. – Parts 1-3. – Helsinki, 2004.

Березкин Ю. Е., доктор исторических наук.

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

Ул. Казанская, 23, кв. 29, Санкт-Петербург, Россия, 190000.

E-mail: berezkin1@gmail.com

Материал поступил в редакцию 22 марта 2018 г.

Yu. E. Berezkin

TRAVELLING HEROINE AND HER SIBLINGS: AN UNNOTICED SIBERIAN TALE

After analyzing S. Thompson's views on the study of folklore (Siberian and Central Asian data and historical problematic ignored) and presenting results of statistical processing of data on distribution of folklore motifs in Eurasia, the author describes a previously unnoticed tale widespread across Siberia from Lower Amur to Western Siberia with weak parallels among European Finno-Ugric peoples. The protagonist is a travelling girl who competes successfully with her rival, often a frog-woman. In the beginning the heroine parts with her brother(s) or sister who later appear again to help her. This motif is absent in the New World and could spread across Siberia only in the Holocene. Most of the other motifs found in correspondent tales have extensive parallels in North and some of them even in South America. Many of such episodes are absent, however, across the Northeastern Asia and Northwestern North America and had to be brought to the New World at a rather early stage of its peopling. This set of motifs is absent among the Turkic and Mongolian people.

Key words: *Siberian folklore, Finno-Ugric folklore, big data on folklore, Stith Thompson's views on folklore, peopling of America.*

References:

- Aarne A., Thompson S. The Types of the Folklore. – Helsinki, 1961. – 588 p.
Anderson J. From Alaska to Greenland: A comparison of the Arctic Small Tool and Thule Traditions // Totem: The University of Western Ontario Journal of Anthropology. – London (Ontario), 2011. – Vol. 12, issue 1. – P. 6–15.
Arsen'yev V. K. Iz nauchnogo nasledia V. K. Arsen'yeva [From the scientific heritage of V. K. Arsen'yev] // Krayevedcheski b'ulleten'. – Yuzhno-Sakhalinsk, 1995. – Vol. 1. – P. 111–131. (in Russian)
Baulo A. V. (ed.). Synskie Khanty. – Novosibirsk, 2005. – 352 p. (in Russian)

- Berezkin Yu.* Vymanivaniye i poimka Batradza. Sibirsko-severoamerikanskiye paralleli k motivu nartskogo eposa i genezis geroicheskikh obrazov [Luring and catching of Batradz. Siberian-American parallels for a motif of the Nart Epics and the genesis of heroic imagery // *Vlast' v aborigennoi Amerike. Problemy indeanistiki* [Power in Native American. The Problems of American Studies]. – M., 2006. – P. 410–422. (in Russian)
- Berezkin Yu.* Rasprostraneniye fol'klornykh motivov kak obmen informatsii, ili Gde Zapad granichit s Vostokom [Spread of folklore motifs as information exchange, or Where the West meets the East // *Forum for Anthropology and Culture*. – Saint Petersburg, 2015. – Vol. 26. – P. 153–170. (in Russian)
- Berezkin Yu.* Folklore and mythology catalogue: its lay-out and potential for research // *The Retrospective Methods Network Newsletter*. – Helsinki, 2015. – Vol. 10. – P. 56–70.
- Berezkin Yu.* Athabaskan – Siberian folklore links: in search of Na-Dene origins // *Folklore* (forthcoming). – London, 2018.
- Dumond D. E.* A Naknek Chronicle. Ten Thousand Years in a Land of Lake and Rivers and Mountains of Fine Katmai National Park and Preserve. – King Salmon (Alaska), 2005. – 112 p.
- Golovnev A. V.* Kochevniki tundry: nentsy i ih folklor [Nomads of Tundra: The Nenets People and their Folklore]. – Yekaterinburg, 2004. – 344 p. (in Russian)
- Kert G. M.* Obraztsy saamskoi rechi [Samples of Sami Talk]. – M., L., 1961. – 216 p. (in Russian)
- Khodjer A. P.* Stekl'annaya verandah [The Glass Verandah]. – Khabarovsk, 2011. – 114 p. (in Russian)
- Koptelov A. L.* Skazki narodov Sibiri [Folktales of Siberian Peoples]. – Novosibirsk, 1950. – 192 p. (in Russian)
- Krjukova E. A.* Hun and Kolbassam lived. Ket tekst // *Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area*. – Tomsk, 2013. – Vol. 3. – P. 202–294.
- Kupriyanova Z. N.* Nenetski folklor [The Nenets Folklore]. – L., 1960. – 93 p. (in Russian)
- Kuzakova E. A.* Fol'klor mansi [Mansi Folklore]. – M., 1994. – 207 p. (in Russian)
- Lebedeva E. P., Khasanova M. M., Kialundziuga V. T., Simonov M. D.* Fol'klor udegeitsev [The Udeghe Folklore]. – Novosibirsk, 1998. – 560 p. (in Russian)
- Lehtisalo T.* Juraksamojedische Volksdichtung [Samoyed Folktales]. – Helsinki, 1947. – 615 s. (in German)
- Lukina N. V.* Mify, predania, skazki khantov i mansi [Myths, Legends, Tales of the Khanty and Mansi]. – M., 1990. – 568 p. (in Russian)
- Lukina N. V.* (ed.). Skazaniya zemli tomskoy: khrestomatia [Tales of the Land of Tomsk: a reader]. – Tomsk, 2004. – 187 p. (in Russian)
- Margaritov V. P.* Ob orochoakh Imperatorskoi Gavani [On the Oroch of Imperatorskaya Gavan']. – Saint Petersburg, 1888. – 56 p. (in Russian)
- Nenyang L. P.* Fol'klor taimyrskih nentsev [Folklore of Taimyr Samoyeds]. – Book 1: Skazki [Folktales]. – M., 1994. – 174 p. (in Russian)
- Nikolaeva I.* Ostyak Texts in the Obdorsk Dialect. – Wiesbaden, 1999. – 279 p.
- Paasonen H.* Mordwinische Volksdichtung [Mordvinian Folktales]. – III Band. – Helsinki, 1941. – 343 s. (in German)
- Plesovski F. V.* Komi narodnye skazki [Komi Folktales]. – Syktyvkar, 1975. – 143 p. (in Russian)
- Porotova T. I.* (ed.) Skazki narodov sibirskogo severa. [Folk-Tales of the Peoples of the Siberian North]. – Tomsk, 1980. – Issue 3. – 190 p. (in Russian)
- Pukhnachov V. M.* Skazki starogo Tyma [Folktales of Old Tym]. – Novosibirsk, 1966. – 80 p. (in Russian)
- Rombandeeva E. I.* Mify, skazki, predania mansi (vogulov) [Myths. Folktales, Legends of Mansi (Vogul)]. – M.; Novosibirsk, 2005. – 475 p. (in Russian)
- Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enetskie teksty [The Enets Texts]. – Saint Petersburg, 2005. – 350 p. (in Russian)
- Thompson S.* The Folklore. – New York, 1946. – 510 p.
- Tsintsius V. I.* Negidal'ski yazyk. [The Negidal Language]. – L., 1982. – 311 p. (in Russian)
- Tuchkova N. A.* Mifologia sel'kupov [Sel'kup Mythology]. – Tomsk, 2004. – 382 p. (in Russian)
- Uther H.-J.* The Types of International Folktales. – Parts 1–3. – Helsinki, 2004.
- Vasilevich G. M.* Materialy po fol'kloru evenkov Sibiri [Materials on the Folklore of the Siberian Tungus] // *Materialy po evenkiiskomu (tungusskomu) fol'kloru*, compiled by G. M. Vasilevich. – L., 1936. – Issue 1. – P. 1–136. (in Russian)
- Voskoboynikov M. G., Menovschikov G. A.* Skazki narodov severa [Folktales of the Peoples of the North]. – M.; L., 1941. – 669 p. (in Russian)
- Yevsev'yev M. Ye.* Mordovskiye narodnye skazki i zagadki [Mordovian Folktales]. – Saransk, 1964. – 412 p. (in Russian)

Berezkin Yu. E., Doct. hist. sc.

Museum of Anthropology & Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Science.

Kazanskaya str., 23, Apt. 29, Saint Petersburg, Russia, 190000.

E-mail: berezkin1@gmail.com